

ПРОБЛЕМА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена одной из вечно актуальных тем мировой истории: идее формирования нового человека. Тема нового человека оказалась сквозной темой нового и новейшего времени (от философов эпохи Возрождения вплоть до Ницше, теоретиков III Рейха и коммунистической доктрины нового человека – строителя коммунизма). Однако, по мнению Н. Бердяева, идея истинно нового человека сформулирована была только при возникновении христианства. Новый человек – это Вечный человек, свободно раскрывающийся навстречу богочеловечности.

Ключевые слова: новый человек, Н. Бердяев, антропология, антропная революция, христианство, социализм, коммунизм, либеральная экономика, духовность.

Попков Василь, Попкова Катерина

ПРОБЛЕМА НОВОЇ ЛЮДИНИ У КОНТЕКСТІ СОЦІАЛЬНО- ПОЛІТИЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ СУЧАСНОЇ ЕПОХИ

Стаття присвячена одній з вічно актуальних тем світовій історії: ідеї формування нової людини. Тема нової людини виявилася кризною темою нового і новітнього часу (від філософів епохи Відродження аж до Ніцше, теоретиків III Рейху і комуністичної доктрини нової людини – комунізму). Проте, на думку Н. Бердяєва, ідея істинно нової людини сформульована була при виникненні християнства. Нова людина – це Вічна людина, що вільно розкривається назустріч боголюдності.

Ключові слова: Нова людина, Н. Бердяєв, антропология, антропна революція, християнство, соціалізм, комунізм, ліберальна економіка, духовність.

THE PROBLEM OF A NEW HUMAN IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS OF MODERN EPOXY

The article is devoted to the one of the eternally actual topics of the world history: to the idea of New Person. The topic of New Person became the topic, which prolongs through the New and Newest Times (from philosophers of Renaissance to Nitze, theoretics of III Raih, and communist doctrine of New Man – the builder of communism). Term «anthropology» was first used yet by Aristotle for denotation of that part of philosophy which studies a man. Since «philosophy of man» becomes one of central philosophical subjects.

Key words: New person, N. Berdyaev, anthropology, anthropical revolution, Christianity, socialism, communism, liberal economy, spirituality.

Постановка проблемы. В кризисном и контраверсивном XXI веке вопрос о человеке обострился с новой силой. Сегодня как никогда становится понятным: все проблемы от человека исходят, и все проблемы к человеку возвращаются. Но способен ли сам человек к пониманию того, что он есть «мера всех вещей», способен ли он кардинально изменить отношение к самому себе, а, следовательно, и к окружающей его жизни?

Обзор литературы. Уже несколько раз и в разные эпохи провозглашалась «антропная революция», появление «нового человека». Сам термин «антропология» был впервые употреблен еще Аристотелем для обозначения той части философии, которая изучает человека. С тех пор «философия человека» становится одной из центральных философских тем. Ей посвящают свои основные работы французские материалисты XVIII в. Гельвеций и Ламетри. Кант утверждал, что антропология, или человековедение, есть вместе с тем и мироведение, так как человек – это «самый главный предмет в мире». Под конец жизни Кант пишет фундаментальный труд под названием «Антропология с прагматической точки зрения» [2, с. 100].

Изложение основного материала исследования. Титаны эпохи Ренессанса всем своим творчеством провозглашали «антропную революцию», освобождение человека от средневековых норм, правил, предписаний, ритуалов, сковывавших личность. Эту эпоху Исаак Дойч окрестил как «революцию Ромео и Джульетты», то есть революцию, которая пробудила индивидуальность, индивидуальные чувства, способность принимать самостоятельные решения, опираясь только на свои мнения, пристрастия и симпатии. Неоплатоники эпохи Возрождения, Пико дела Мирандола, Марсилио Фичино, Джордано Бруно и Николай Кузанский смотрели на мир не как на несовершенное отражение идеальной реальности, но как на творение Бога, которое было прекрасным само по себе, как на выражение творческой силы и благой воли Бога.

В этой картине мира человек занимает новое место. С одной стороны он есть творение Бога, но с другой стороны, он – произведение собственных усилий. Человек создает себя сам, и это делает его богоподобным.

О «новом человеке» заговорили и в эпоху «Реформации». Эрих Фромм в своей работе «Бегство от свободы» пишет об индивидууме, который усвоил новую философию Мартина Лютера. «Индивидуум освободился от всех уз, которыми связывала его духовная власть, но именно это освобождение принесло ему одиночество и поселило в его душе полную растерянность, кроме того, подавило его чувство собственного бессилия и ничтожности» [4, с. 276].

Ответ Лютера на столь сильный вызов со стороны свободы таков: если ты полностью подчинишься Господу, если найдешь в себе силы полностью признать собственную ничтожность, если покоришься высшей силе, то всемогущий Бог, может быть, полюбит тебя, простит твои грехи, и спасет от адских мук. Освободившись посредством самоотречения, отказа от своего «я» со всеми его недостатками и страхами, человек избавится от чувства собственной ничтожности и приобщится к славе Господней.

В эпоху Просвещения образ «нового человека» ассоциировался с Эмилем, героем одноименного романа Ж-Ж Руссо, мальчиком, воспитанном в соответствии с «естественными» нормами. Руссо предполагал, что человек по своей природе хороший, но общество делает его неискренним, фальшивым. Для того чтобы

приспосабливаться к обществу, человеку приходится отрицать свою природу. А это делает его лживым и изворотливым. Всем приходится отказываться от своих личных стремлений и желаний, чтобы понравиться своим правителям. Позиция Руссо: «человек рождается свободным, но после этого сразу попадает в цепи общества». «Благородный дикарь» является примером изначально доброго и благородного человека, не испорченного государством. Такие люди свободны и честны, потому, что им нет необходимости убеждать людей и заискивать перед ними, как это делают граждане, «испорченные цивилизацией».

«Нового человека» русская интеллигенция XIX в. видела в образе героя романа Н. Чернышевского «Что делать?». Того самого Рахметова, которого в качестве образца для подражания взял молодой Ленин. Возможно под влиянием этого образа революционный вождь провозгласил «эпоху создания нового человека», который должен пройти через горнило пролетарской диктатуры и коллективистских коммунистических строев.

Философию «нового человека», который рожден «чтоб сказку сделать былью» активно исповедовал сталинский режим. Он создал тотальную и жестко структурированную систему «воспитания и перевоспитания» человека, а также выбраковки «человеческого материала», который с точки зрения «кремлевских мечтателей» не поддается воспитательным усилиям.

В фашистской Италии и нацистской Германии также всячески пропагандировалась и жестко внедрялась идея «новых людей», преодолевших старую религию, мораль, нравственность. Ими активно бралась на вооружение ницшеанская идея «сверхчеловека», который противостоял «стаду». Ницше полагал, что представления о добре и зле – конвенциональны. Мнения о том, что такое хорошо, а что такое плохо – это просто идеи толпы, которые созданы для того, чтобы вести безопасное, тихое и скучное существование. Если человек желает осознать силу своей жизни, то ему необходимо находиться «по ту сторону добра и зла». Следует выбрать собственные ценности и отказаться от стадного чувства. Следует пренебрегать оценками со стороны других и жить, не ставя себя в зависимость от чьих-либо ожиданий. То, что приносит человеку удовольствие, должно определяться не другими людьми, а лично им самим. Следовать своей

воле – это благо: именно так человек может прожить наиболее полную жизнь [3, 195-196].

Сегодня, в начале XXI века также ведутся разговоры о появлении нового человека – детища информационной цивилизации. Он все более сращивается с техническими новинками и «хищными вещами» века. В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуяма говорит о тревогах связанных с переходом мира в «постчеловеческое» состояние. «Многие считают, что постчеловеческий мир будет выглядеть совсем как наш – свободный, равный, процветающий, заботливый, сочувственный, но только с лучшим здравоохранением, большей продолжительностью жизни и, может быть, более высоким уровнем интеллекта» [5, с. 308].

Однако, это мир может оказаться другим и пугающим. Он может оказаться куда более иерархичным, конкурентным и полным острых социальных конфликтов. Это может быть мир, где «утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому, что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что такое человек. Это может оказаться мир, где средний человек будет заживаться за вторую сотню лет, сидя в коляске дома престарелых и призывая никак не идущую смерть. А может быть, это будет мягкая тирания вроде описанной в «Дивном новом мире», где все здоровы и счастливы, но забыли смысл слов «надежда», «страх» и «борьба» [5, с. 308]. В европейской истории говорилось и о католическом человеке, и о человеке протестантском, и о человеке ренессансном и о человеке романтическом.

Однако, как утверждают многие социальные философы, человек по сути своей гораздо менее изменяется, чем это кажется по его внешним проявлениям. За многие столетия внутренне человек мало изменился. Изменение социального положения, когда богатый делается бедным, а бедный – богатым само по себе не делает человека внутренне иным. Человек может улучшаться или ухудшаться в пределах круга изначально присущих ему качеств, но это не образует нового человека.

То же можно сказать и о политических революциях. Даже самые радикальные революции сравнительно мало меняют человека. Когда-то коммунистическая пропаганда делала акцент на коренном различии между буржуазным человеком и человеком коммунистическим. Однако жизнь показала, что коммунист,

победивший и захвативший власть, может быть внутренне, духовно, до мозга костей гораздо более буржуазным и безнравственным, чем свергнутый им противник.

Поборники идеи «нового человека» забывают, а то и попросту не хотят знать, что идея нового человека есть христианская идея. Все остальное есть всего лишь перепевы, подражания, попытки втиснуть высоту великого христианского смысла в низость сиюминутных политических расчетов.

Подчеркнем еще раз: идея нового человека есть исключительно идея Христа. Этой идеи не знал античный мир, как впрочем, и весь мир дохристианский. В дохристианском мире не было стремления к духовной углубленности, не было мысли о качественном преобразении человека. Все повторялось «на плоскости», все происходило на арене необъятного цирка, театра, или раскаленной пустыни под грозным взором божеств, взиравших на один и тот же «человеческий муравейник» с высоты Олимпа или небесного свода. Этот мир не знал движения от внешнего к внутреннему. Этот мир жил продуктами «выхода» внутреннего, спонтанного вовне на поверхность. Он кипел вулканическими страстями, но это были страсти человеческого «низа». Вероятно, поэтому и нужны были грозные и беспощадные боги, чтобы укрощать эту «стихию низа».

И только возникновение осознания греха и возможности покаяния стало предвестием появления нового человека. Только рождение духовного человека, который ранее «был в спячке», был задавлен бесчеловечными обстоятельствами жизни, есть действительно явление нового человека. Явление Христа и стало победой над ветхим, «задавленным» человеком.

Нет развития без субъекта развития. С возникновением христианства такой субъект развития появился. Ошибка дарвинизма заключалась в том, что Дарвин субъект развития выводил из самого развития. То есть развитие само по себе наделялось качествами субъекта. А это означало, что вместо того, чтобы открыть внутреннюю тайну, внутренний источник развития Дарвин говорил о том, как это развитие определяется внешними обстоятельствами.

Не развитие делает человека. Человек сам как самостоятельный субъект делает себя. Новый человек, новое в человеке предполагает, что в ядре личности живет актер, проявленный в своем главном и высшем качестве: качестве

творческой человечности. Никакое изменение и усовершенствование обезьяны не может привести к человеку. При всех ухищрениях это всего лишь будет усовершенствованная обезьяна. Новый человек связан с Вечным человеком, с Вечным в человеке.

В глубинном подсознательном слое современного человека есть все: есть и первобытный человек, в нем есть и мир животный, звериный, есть в нем и вся прожитая человечеством страшная человеческая история. Человеческое сознание при этом может играть двоякую роль: оно может и расширять кругозор и резко его ограничивать, сужать, подчинять власти прошлого или мелкого в человеке.

Власть прошлого над человеком остается и в самых радикальных революциях. В них действуют древние инстинкты насилия, жестокости и властолюбия. Участники французской революции были людьми старого режима. То же можно сказать и о русской революции 1917 года. В ней действовали люди, в крови которых еще жило рабство. Освобождаясь от рабства царской эпохи, они легко впадали в рабство эпохи сталинской.

Сильной стороной всех революций выступала резко негативная реакция на предшествовавший режим. Ненависть в революции всегда была сильнее любви. Но при всей своей ненависти к старому режиму любая революция есть органическое порождение и следствие этого режима. Она не есть явление нового мира. Поэтому она не может создать и нового человека.

Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого. Она – знак того, что в обществе не было творческих духовных сил для облагораживания жизни. Революция, с точки зрения Н. Бердяева, – дитя рока, а не свободы. Поэтому ждать от нее рождения нового человека – абсурд. Идолопоклонство перед революцией есть такая же ложь, как и любое идолопоклонство. Сегодня как никогда актуально звучат его слова: «... радикальные и глубокие изменения и улучшения не зависят от степени совершаемых кровавых насилий. Ганди был более революционер, чем Ленин и Сталин, если под революцией понимать явление нового человека» [1, с. 130].

Мифом оказался и идеал «советского коллективизма» как школы «нового человека». Старая дореволюционная интеллигенция во многих аспектах была гораздо более коллективной, чем «строители

коммунизма». Но коллективность старой интеллигенции, основанная на интенсивной идейной жизни и духовной общности, резко отличалась от механического, принудительного коллективизма «винтиков новой эпохи», внимательно и ревностно следивших друг за другом.

Старая интеллигенция была революционной по своему духу, она жила в расколе с окружающим ее миром. Новая советская интеллигенция, покорно служившая режиму, занималась оправданием и восхвалением окружавшего ее тоталитарного мира. Без существования внутреннего духовного ядра и творческих процессов, происходящих в нем, никакой новый социальный строй, как бы он себя ни рекламировал, не приведет к новому человеку.

Марксистский диалектический материализм тоже никак не мог быть «философией нового человека». Подобно демокритовскому материализму он признавал лишь внешнее и отрицал внутреннее. Как известно, демокритовская картина мира представляла собой совокупность соударяющихся атомов, приходящих в движение от столкновения друг с другом. Маркс, преодолевая Демокрита, ввел понятие «саморазвивающейся материи», наделив ее свойствами субъекта развития, то есть придал материи свойства духа. Однако «целостный материализм» Маркса оказался в сущности раздвоенным на «материализм внешних проявлений развития» и идеализм «внутренних источников развития». Поэтому марксистский образ «нового человека» является скорее квазирелигиозным упованием, чем логическим следствием социально-экономической «монистической» доктрины.

Экономика (как бы она ни называлась – «социалистическая», «капиталистическая», «либеральная» и пр.) тем более не может создать нового человека. Все разговоры, например, о том, что рыночная экономика раскрепощает и создает новую личность, тут же опровергаются самой экономической жизнью. Экономика относится к средствам, а не к целям жизни. И когда ее делают целью жизни – деградация человека неизбежна.

Примечательно, что «новый человек» ушедшей в прошлое советской экономической эпохи мало чем уступает «новому человеку» нынешней «постиндустриальной» экономической эпохи. Нынешний «новый человек» еще более ревностно поклоняется идолу производительности, превращающему личность в функцию

производства, поклоняется силе и успеху, беспощаден к «слабым мира сего», движим эмоциями соперничества и борьбы. Самое страшное, что он активно избавляется от духовности как «тормоза» для быстрого и «эффективного» достижения успеха.

Нынешний «новый человек» хочет закрыть в себе бесконечное и укрыться в конечном, повседневном, сиюминутном. Такой саморедукцией он стремится достичь максимума эффективности. «Новый человек» «посюсторонен» до цинизма, он отрицает трансцендентность, не хочет о ней слышать. Это означает, что он с готовностью обосновывается в царстве Кесаря и отвергает царство Духа. Но это совсем не новый человек. Он – всего лишь одна из трансформаций «ветхого», «падшего» Адама. Этот так называемый «новый человек» эпохи имеет склонность воспринимать средства жизни как цели жизни. В таком случае подлинные цели жизни выпадают из его сознания.

Современные социальные философы и писатели оговаривают о человеке как существе мятущемся, постоянно меняющем представления о самом себе и мире. Индивид живет в хаосе разнонаправленных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Поэтому он пытается соотносить свое поведение с персонифицированным образом... Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне. Государственный чиновник стремится уподобиться вышестоящему. Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя через систему ритуалов, стереотипов, готовых образцов. [6, с. 6]. Все это – явления поглощения человека «миром сим», и никак не явления «преображения мира сего».

Выводы. Сегодня в начале XXI века со всей остротой возник вопрос: укоренится ли окончательно человек в Царстве Кесаря, и тем самым подпишет себе, как свободной личности, смертный приговор, или найдет в себе силы, чтобы совершить поворот к Царству духа? Есть надежда на то, что внутренняя духовность человека располагает возможностью к сопротивлению и не будет окончательно задавлена «хищными вещами» XXI века. А это значит, что вновь актуальным становится раскрытие христианской тайны нового человека.

В раннехристианском восприятии новый человек – это Вечный Человек. Он перманентно обращен к вечности и бесконечности. Он – вечное и бесконечное «здание мира». Новый человек может быть

только творческим, креативным, созидющим, обращенным к грядущему, к небывшему, к несотворенному. Именно его руками продолжается непрерывное Божье творение мира.

Безусловно, труд есть основа человеческой жизни в этом мире. Но труд принадлежит царству необходимости («в поте лица будешь добывать хлеб свой»), то есть принадлежит царству Кесаря. И этот труд нуждается в освобождении.

Творчество же принадлежит к высшим целям жизни, следовательно, оно принадлежит царству свободы, то есть царству Духа. Цели жизни не должны быть подчинены средствам жизни. Наоборот, средства нашей жизни должны быть подчинены нашим творческим целям.

Освобождение мира начинается только с внутреннего освобождения человека, осознавшего три главных своих богоподобных качества: способность творить, способность быть свободным и способность к бескорыстной любви.

Литература

1. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря / Н. Бердяев. – М. АСТ, 2006. – 349 с.
2. Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. Учебник для вузов. 2-е изд. / А.С. Кармин, Г.Г. Бернацкий – СПб.: Питер, 2007. – 560 с.
3. Стивенсон Д. Философия/ Д. Стивенсон; [пер. с англ. С.В. Зубкова]. – М., АСТ, 2007. – 294 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы./ Э. Фромм; [пер с англ.] – М.: АСТ: Харвест, 2007. – 384с.
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма; [пер с англ.] – М.: АСТ, 2004. – 349 с.
6. Эриксон Э. Трагедия личности / Э. Эриксон [пер с англ.]. – М.: Алгоритм, 2008. – 256 с.

1. Berdjaev N. Carstvo Duha y carstvo Kesarja / Nikolaj Berdjaev. – М. AST, 2006. – 349 s.

2. Karmyn A.S., Bernackyj G.G. Fylosofyja. Uchebnyk dlja vuzov. 2-e yzd. A.S. Karmyn, G.G. Bernackyj – SPb.: Pyter, 2007. – 560 s.
3. Styvenson D. Fylosofyja/ Dzhej Styvenson; [per. s angl. S.V. Zubkova]. – M., AST, 2007. – 294 s.
4. Fromm E. Begstvo ot svobody./ E. Fromm; [per s angl.] – M.: AST: Harvest, 2007. – 384 s.
5. Fukujama F. Nashe postchelovecheskoe budushhee / F. Fukujama; [per s angl.] – M.: AST, 2004. – 349 s.
6. Erykson E. Tragedyja lychnosti / Eryk Erykson [per s angl.]. – M.: Algorytm, 2008. – 256 s

Рецензент: Щербіна Н. Ф. к. істор. н., доцент, Одеський національний економічний університет

17.03.2018

УДК 323.3(477)

Румянцева Анжелика

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Ни для кого не секрет, что Украина – государство достаточно молодое и, соответственно, в настоящий момент находится на стадии развития всех сфер своей государственной деятельности. А, как известно, каждый путь развития проходит через множество проблем и трудностей. Так же происходит и в ходе становления государственности в Украине. В данной статье автор затронет один из наиболее проблемных аспектов в этой стране, а именно социальную сферу и рассмотрит возможные пути решения многих сложившихся проблем. Тут мы поговорим об изменениях в институте семьи, на рынке труда, обсудим ряд демографических аспектов и важность